

НОВАЯ ЯРКАЯ ЗВЕЗДА ДЕТЕКТИВА

**Марина
СЕРОВА**

*Риск, засада,
пистолет*

Марина С. Серова
Риск, засада, пистолет
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166905

Риск, засада, пистолет. Попробуй разберись. Осиное гнездо: Эксмо; М.;

2001

ISBN 5-04-006812-3

Аннотация

Когда интеллигентные люди впервые пытаются заняться преступным бизнесом, это для них, как правило, кончается очень скверно: их или сажают в тюрьму, или убивают. Так думала частный детектив Татьяна Иванова, обнаружив труп сотрудника галереи. Что подвигло Петечку совершить кражу с выставки ценной статуэтки, изображающей древнегреческую музу, – это еще предстоит ей выяснить. А сейчас Таня была уверена в одном: вряд ли Петечка похитил уникальную «Талию», чтобы поставить ее у себя дома на комод. Наверняка эту статуэтку ему заказали. Теперь предстоит найти убийцу и через него выйти на заказчика. Только так можно вернуть «гвоздь программы» выставки законному владельцу...

Содержание

* * *

4

Конец ознакомительного фрагмента.

48

Марина Серова

Риск, засада, пистолет

– Очень приятно, давно мечтал с вами познакомиться! Веры мне много о вас рассказывала, Татьяна э-э... – Бородатый бегемот, галантно склонившийся над моей ручкой, вопросительно поднял глаза.

– Просто Таня. – Я постаралась вложить в улыбку как можно больше светскости. Ха, делать Верке больше нечего, как услаждать его историями о бывшей однокласснице и, как бы это по-русски сказать, – однопартнице, а ныне частном детективе Татьяне Ивановой. А посему получите, милейший, в ответ равноценную любезность: – Я тоже слышала о вас от Веры много хорошего.

Он растерянно заморгал. А я, между прочим, даже и не соврала почти. Много – не много, но кое-что Верка мне о нем успела рассказать, пока мы сюда шли.

– Да, конечно. Ведь вы тоже в некотором роде связаны... – он взмахнул рукой, – с искусством, я имею в виду.

Теперь пришла моя очередь растеряться. Вероятно, что-то в этой идее есть.

– Пожалуй, я согласна, частный сыск имеет нечто общее

с искусством.

– Да-да, я всегда говорил то же самое! – Кажется, он обрадовался, что обязательная при знакомстве программа выполнена и можно благополучно свернуть нашу беседу. Еще раз мило улыбнувшись мне и взяв под руку эту змею – Веру, из-за которой я и оказалась на выставке, он извинился и отвел ее в сторону. – Верочка, ну что ты вытворяешь, зачем тебе это надо? Ты что, хочешь, чтобы Людмила устроила скандал, да? – громко зашептал он, осторожно кося глазами по сторонам. Его редкая бороденка тревожно топорщилась. – Тебе нужен скандал именно здесь и именно сейчас? Я же просил тебя!

– Ничего подобного. – Верка была великолепно спокойна. – Это публичная выставка, Игорь, она открыта для всех посетителей. И я имею такое же право прийти сюда с подругой, культурно провести время, как и все остальные.

– Верочка!.. – попытался перебить ее бегемот.

Но Верочка была не тем человеком, которого можно перебить.

– Между прочим, – покачала она головкой, – мы даже билеты купили. Так что твоя Людмила может возмущаться сколько угодно. Я пришла сюда осмотреть выставку, и я ее осмотрю, что бы ни думала по этому поводу твоя драгоценная половина.

Я отвернулась. Мне, честно говоря, были абсолютно неинтересны их проблемы и переживания. Вот когда его супру-

га надумает явиться ко мне с просьбой выследить ее борода-того бегемота-мужа, согласная платить за это удовольствие по моим отнюдь не слабым расценкам, тогда я обращаю внимание на их театральные страсти. Возможно. А пока я тупо уставилась на какую-то статуэтку, имевшую несчастье оказаться прямо перед моим носом. Господи, да как это вообще случилось, что я, находясь в здравом уме и твердой памяти, забрела в такое экзотическое место, как художественная галерея Игоря Маслова! Да я и понятия не имела, что в нашем Тарасове есть какой-то Игорь Маслов и существуют такие высококультурные заведения, как эта его галерея.

Нет, конечно, я, как девочка из интеллигентной семьи, посещала в свое время в составе школьной экскурсии тарасовский художественный музей и вполне в состоянии сказать нежным голоском: «В живописи я, конечно, слабо разбираюсь, но Левитан!..» Знаю, как правильно произнести еще десяток фамилий художников. Особенно мне нравится упоминать в интеллектуальной беседе английскую школу и Констэбля. Я считаю, что это придает особый шик. Скажу больше, если меня подвести к стене, на которой будут висеть картина Матисса и картина Шишкина, даже не обязательно «Утро в сосновом лесу», я смогу разобраться, где чья. Разумеется, если меня сразу предупредят, что выбирать надо именно из этих двух художников. Но чтобы я по доброй воле пришла на открытие выставки какой-то там особенной скульптуры и каких-то рисунков о весне, сама себе не верю!

Хотя, если откровенно, моей доброй воли тут было совсем чуть-чуть. Единственное, что я сегодня утром сделала по доброй воле, это бросила гадальные кости. Ну да, есть у меня такая привычка – в трудные моменты жизни советоваться с магическими костями. Очень простой способ и, между прочим, здорово помогает в принятии решений и сохранении нервной системы. Задаешь вопрос, бросаешь три двенадцатигранных гадальных кубика и отыскиваешь в специальной книге ответ. Хотя память у меня феноменальная и я наизусть помню значения большинства возможных комбинаций. Теперь можно действовать. А если твои действия приводят к результату с точностью до наоборот, то это уже твои проблемы – не сумела верно понять мудрый совет судьбы, значит, сама дура.

Так что сегодня утром я задала очень важный для меня на текущий момент вопрос «Как жить дальше?», зажмурилась и метнула кости.

21+33+12 – «Положитесь на свою счастливую звезду и смело шагайте вперед. При этом пусть ничто вас не тревожит – желание ваше исполнится с некоторой задержкой».

А что, неплохо звучит. Правда, не совсем ясно, исполнение какого конкретно желания должно задержаться. Впрочем, это не важно, в последнее время все мои желания как-то не торопятся исполняться. Значит, понимаем все это так: собирайся ты, Танечка, гулять, шагай, как сказано, вперед по улицам родного города, на людей посмотри и себя покажи.

Сказано – сделано.

И вот гуляю я, настроение по-весеннему гнусное, как и положено для одинокой девушки с полным отсутствием личной жизни. Небо нахально сияет голубизной; солнце, мало того, что сверху глаза слепит, так еще и в каждой луже отражается. Голуби воркуют так, что реактивные самолеты заглушают; всюду парочки ошалевшие, небось с уроков посбегали, сопляки. В общем, всем понятно, что в таком состоянии человека можно брать голыми руками.

И в этот момент судьба вываливает на меня Верку Ширяеву. Нет, врагами мы с ней никогда не были – шесть лет за одной партией предполагают возможность мирного сосуществования, – но и подругами тоже. Верка вообще не видела необходимости в такой категории человечества, как друзья, а у меня эта неглупая красотка с повадками начинающей стервы тоже не вызывала энтузиазма. Возможно, именно благодаря этому равнодушному уважению друг к другу и сохранились наши с ней добрые отношения. Можно сказать, что эти отношения упрочились за последние пять лет, которые мы не виделись. И вот, вместо того чтобы броситься от нее прочь с воплями ужаса, что, как показали дальнейшие события, было бы самым разумным, я, как последняя идиотка, обрадовалась.

– Вера! – Я помахала ей рукой. Она, прищурившись – солнце светило ей в глаза, – взгляделась в меня и вдруг пришла в такой восторг, что я даже засомневалась, не перепутала

ла ли она меня с кем. Но нет, Вера точно знала, с кем имеет дело.

– Танька! – взвизгивала она, оставляя следы помады на моих щеках. – Как здорово! Это же надо, столько лет не поделись, и именно сегодня!.. Ты-то мне как раз и нужна!

– С чего это вдруг сегодня на меня такой спрос? – Моя радость от встречи несколько пригасла. – Любовник, что ли, от тебя сбежал, отыскать срочно надо?

– Ну ты, Татьяна, даешь! – На Веркин хохот стали оборачиваться прохожие. – Погляди, разве я похожа на женщину, от которой может сбежать любовник?

Я поглядела. Да, высокая, не просто красивая, а эффектно-красивая, с копной золотых кудряшек, тщательно продуманным макияжем, да еще и одета явно не в «секонд» – от такой женщины любовник не убежит. Может, всю жизнь мечтать об этом будет, но не убежит. А она, скользнув по мне внимательным взглядом, слегка удивленно заметила:

– А ты неплохо смотришься, Иванова. Вполне, вполне...

Я немедленно воспряла духом. Уж если Верочка Ширяева благосклонно обронила «неплохо смотришься», значит, Шарон Стоун может пойти и тихо повеситься от зависти в каком-нибудь их американском сарае. Я настолько увлеклась, представляя себе кинодиву в поисках подходящего для этой цели сарая, что как-то упустила нить разговора.

– Постой, – спохватилась я. – Куда, ты сказала, мы сейчас пойдем?

– На выставку «Весна и Женщина». Там и скульптуры, и картины, и все о весне, – терпеливо, что было совсем не в ее характере, объяснила Вера. Видно, действительно очень хотела, чтобы я пошла с ней. – В галерею Игоря Маслова.

– А зачем нам туда?

– Как тебе это объяснить. – Взгляд Веры скользнул в сторону. – Мне очень хочется пойти на эту выставку, а одной будет неловко. Игорь начнет шипеть, и все такое. А ты самый подходящий вариант: и внешне на уровне, и беседу можешь поддержать. Выставка, между прочим, довольно интересная, там даже какая-то жутко ценная статуэтка есть. Игорь у частного коллекционера из Питера выклянчил, говорит, целый час на коленях ползал, страховку обалденную заплатил.

– А кто такой Игорь? – я обреченно осознала, что мы уже не стоим, а куда-то целеустремленно шагаем.

– Игорь? Ну, Маслов, хозяин галереи. – Она фыркнула. – Тот самый любовник, который не сбежит.

По дороге она попыталась объяснить, зачем затеяла этот культпоход, но, честно говоря, чтобы уловить смысл в ее действиях, нужно было обладать ее же логикой и характером. Я, конечно, тоже не Аленушка у пруда, но по сравнению с Верочкой, скажу я вам, Танька Иванова такая беленькая вся и пушистая. В общем, затеяно было все, чтобы позлить жену этого Игоря. Она, видите ли, имела наглость не одобрять присутствия Веры в жизни своего благоверного. То есть в курсе событий она была с самого начала, такую женщину,

как Вера, не спрячешь, и неудовольствие свое демонстрировала постоянно, но в последнее время совершенно потеряла чувство меры. Из-за ее козней срывались планы совместного отдыха, что-то там Игорь не смог Вере купить очень желанное, поскольку супруга потратила все деньги. Одним словом, она вела себя так, словно имела право на единоличное владение мужем, совершенно не учитывая при этом Верины интересы. Так что Вера решила ей о себе напомнить. Уразумев все это, я начала притормаживать:

– Слушай, Верка, я думала, ты умнее. Мужик, сама говоришь, у тебя на жестком поводке, зачем тебе связываться с его дражайшей? Знаю я, чем кончаются подобные демонстрации – вы вцепитесь друг другу в волосы и расцарапаете физиономии. И если ты надеешься, что я стану вас различать, то забудь! В таких ситуациях разнимающему достается больше всех.

– Да что ты! – Вери искренне позабавило мое беспокойство. – Такие женщины, как мы с Людмилой, не могут позволить себе вульгарно таскать друг друга за волосы – наши прически дорого стоят. Тем более царапаться. Нет, у нас другие способы борьбы. Так что можешь ничего не опасаться. И вообще, мы уже пришли.

Так что улизнуть вовремя мне не удалось. И вот теперь я стою посреди большого зала, окруженная тремя десятками скульптур разного вида и размера, изображающих женщин. Дурацкая идея – собрать в одно место так много женских

образов. Женщина существо штучное, и любоваться каждой из них надо особо, отдельно. А в такой толпе они просто мешают друг другу.

– Только «Девушки с веслом» не хватает, – хихикнула я и наконец обратила внимание на статуэтку, уже давно нахально торчащую перед моим носом. А вот в ней было что-то особенное. Небольшая, не больше пятидесяти сантиметров, она совершенно не была похожа на женскую фигуру – странная, неестественная поза, условно обозначенные руки и ноги, лица вообще нет, только волосы пышные, выющиеся. И как скульптор добился такого эффекта легкости, почти невесомости, ведь это какой-то металл? Волосы эти доходили до середины спины, хотя и спины как таковой тоже не было. И при всем этом фигурка была несомненно женская – бесконечно грациозная и интригующая, неожиданная и совершенно удивительная.

– Сударыня, вы абсолютно правы, – услышала я рядом с собой приятный мужской голос. – Это действительно единственная вещь на этой выставке, на которую стоит обратить внимание.

– Она очень странная. Абсолютно неправильная и вместе с тем совершенно живая...

Я посмотрела на своего собеседника. Он производил очень благоприятное впечатление: лет шестьдесят – шестьдесят пять, средний рост, средняя полнота, волосы густые, зачесаны назад, темные, с проседью. Глаза серые, аккурат-

ные усы и борода клинышком, очень ухоженные. Особых примет нет. Покрой костюма несколько консервативен, но из хорошей ткани и явно сшит на заказ не в самом дешевом ателье. Из кармана пиджака виден кончик голубого платочка – под цвет галстука. В руках массивная трость с резным набалдашником. Слишком тяжелая и солидная, чтобы служить для опоры при ходьбе, так что носит он ее явно больше для создания собственного образа. Этот мужчина сразу напомнил мне дореволюционного преуспевающего врача, как его изображали в театре во времена социалистического реализма.

– Вы абсолютно не разбираетесь в скульптуре, но наделены тонким восприятием произведений искусства. – Что-то я и не поняла, комплимент он мне сказал или гадость. – Вам ведь, кажется, понравилась «Талия»?

Будем считать, что гадость... Ах, значит, я абсолютно не разбираюсь в скульптуре!.. Я и сама знаю, что не разбираюсь, но не намерена выслушивать подобные оценки от совершенно незнакомых людей.

– Да, скульптура мне понравилась, – сказала я совершенно спокойно, – но почему вы решили, что это «Талия»? Насколько я припоминаю, у «Талии» должна быть маска в левой руке, – вот такое я ему выдала из своего запаса культурных знаний и, чтобы окончательно его потрясти, добавила: – Кроме того, на голове у нее должен быть венок, а в правой руке бубен... Все-таки – муза комедии...

– О-о, – потрясла я его, кажется, не особенно, но теперь он смотрел на меня с явным уважением. – Вы, конечно, в какой-то степени правы, но, понимаете ли, это не я ее такой задумал, а автор. Это работа Осипова, он жил в конце девятнадцатого века. Очень интересный скульптор и знаток древнегреческой мифологии. В свое время был довольно известен, но сейчас его подзабыли. Правда, на Западе, в кругу специалистов, он по-прежнему ценится. Осипов видел «Талию» именно такой, и нам приходится с его мнением считаться. Для него вообще не характерен традиционный подход, сами видите. Абстрактные линии, выражается сущность, содержание, а не формальные пропорции. Кстати, муз он сделал всех, но эта фигурка – последняя, оставшаяся в России. Остальные восемь давно осели в частных коллекциях в местах довольно отдаленных, за границей, – он показал рукой в сторону окна. Очевидно, там и находилась заграница.

– Вы, я вижу, действительно разбираетесь в скульптуре. – Поскольку он меня зауважал, я его простила.

– Пожалуй. Но это моя профессия, я искусствовед. Зато у вас свежесть восприятия дилетанта. – Он очень доброжелательно улыбнулся мне. – Вы смотрите на произведение искусства и наслаждаетесь впечатлением, которое оно производит. Думаю, ваше восприятие ближе к замыслу автора, чем мое.

– Спасибо. Вы говорите очень приятные вещи.

– Не для того же я с вами заговорил, чтобы нахамить.

Просто увидел, что очень милая женщина заинтересовалась скульптурой, которая является украшением, можно сказать, гвоздем выставки. Мне показалось, что вы поняли всю прелесть «Талии», а единомышленника встретить всегда приятно. Вот я с вами и заговорил. Кстати, простите великодушно мою оплошность и позвольте представиться – Валентин Николаевич Шлиц. – Он вынул из нагрудного кармана картонный прямоугольник визитки и протянул мне.

– Очень приятно. Таня. – Я кокетливо улыбнулась и добавила: – Иванова.

Для завершения церемонии знакомства он галантно приложился к моей ручке.

«Всегда буду ходить на вернисажи, – поклялась себе я. – Здесь мужчины комплименты говорят и ручки целуют. Я уже забыла, когда мне руку целовали, а тут... Ни одной выставки больше не пропущу!»

– У Осипова не так много работ, – продолжил тем временем разговор Валентин Николаевич. Очевидно, ему было приятно поделиться сведениями с благодарным слушателем, и он своим хорошо поставленным профессорским голосом рассказывал: – Вы знаете, Танечка, он умер довольно молодым. Чахотка. И все его работы – это женские образы, причем не конкретные, а обобщенные, не портрет соседки Анны Петровны, а музы, грации, нимфы.

– Конечно, портретного сходства при его манере работы добиться трудно. Думаю, что конкретная Анна Петровна бы-

ла бы недовольна таким своим изображением.

– Пожалуй. А муза... Кто знает, как выглядит муза? Художник имеет право на свое представление, и я бы сказал, его фигурки очень женственны, не так ли?

– По крайней мере, эта прелестна! – Я снова с удовольствием стала разглядывать «Талию».

– Рад, что вам нравится. Что ж, Танечка, извините великодушно, боюсь, я вам надоел, да и мне пора, дела.

– Что вы! – Я протянула руку для очередного поцелуя. – Вы так интересно рассказываете.

– Счастлив, что сумел доставить вам удовольствие. Вы не обидетесь, если я вас покину?

– Нет, конечно. Надо же посмотреть и другие скульптуры. Да и я здесь с подругой, не знаю, куда она подевалась.

Так, расшаркиваясь и обмениваясь любезностями, мы наконец распрощались, и Валентин Николаевич неторопливо удалился. Тут же около меня материализовалась Вера.

– Что ты тут застряла? Пойдем, я тебя кое с кем познакомлю.

Пара, к которой подвела меня Вера, производила странное впечатление. Мужчине было около тридцати, и больше всего он напоминал обмылок – невыразительные, стертые черты лица, редкие волосы, рассеянный, несфокусированный взгляд. Он стоял на месте, но тело его все время колебалось, словно он хотел рвануть в нескольких направлениях одновременно. Завершали картину замызганные джинсы

и серый растянутый джемпер, из ворота которого торчала длинная тощая шея. На серой пряже джемпера очень четко выделялись какие-то беловатые пятна. Богема! Причем самая захудалая. А я-то переживала, что мои фирменные «варенки» и свитерок из уже не модной ангорки будут выглядеть не вполне комильфо на этом сборище.

Зато хрупкая спутница этого несуразного создания сразу заставила меня осознать свое убожество. Она была хороша какой-то завораживающей и одновременно ускользающей красотой. Наверное, был и макияж, и прическа, и костюм – конечно же, она была одета. Но я впервые в жизни не обратила внимание на то, во что одета женщина. Для нее это было несущественным, значение имели только нежность белой кожи, сияние фиалковых глаз, безупречная линия губ, чуть тронутых помадой... Уфф! Я словно вынырнула на поверхность, помада на губах – это уже не фея, не русалка, это нечто человеческое, земное.

– Петечка, Алина, познакомьтесь, это моя школьная подруга, Таня, – щебетала тем временем Вера. – Представьте, мы несколько лет не виделись, а сегодня совершенно случайно встретились!

Петечку с Алиной мало интересовала история случайной встречи Верочки со школьной подругой. И к знакомству с этой самой подругой они отнеслись без особого энтузиазма. Так что обменялись мы кивками и парой вежливых, ничего не значащих фраз и тут же благополучно разошлись. Ин-

тересно, что голоса моих новых знакомых удивительно соответствовали их внешности: у Петечки голос был каким-то тусклым, серым, как и джемпер, а у Алины звенел хрустальным колокольчиком.

– Зачем тебе понадобилось меня с ними знакомить? – поинтересовалась я у подруги. – Ты действительно считала, что скрасишь этим остаток моих дней?

– Дура ты, – Вера не ругалась, она ставила диагноз. – Петечка, конечно, ничтожество, но он бесплатное приложение. А знакомила я тебя с Алиной. Это такая художница... Через сто лет ты будешь гордиться тем, что была ее современницей!

– Ну, если через сто лет, – пробурчала я, с удивлением глядя на Веру. Такая пылкость чувств к ближним своим из человеческого рода была ей, в общем-то, не свойственна. – А что она рисует-то? Что-нибудь гениально-абстрактное?

– Цветы! Она всегда рисует только цветы! У нее даже сначала какие-то сложности были из-за этого, руководство Союза художников не одобряло. Но потом всем надоело с ней бороться, и от нее отстали. Пойдем, я покажу, здесь есть ее картина, правда, она в традиционной технике написана. Алина же какой-то новый мазок придумала, что-то там кистью делает по-особенному, она пыталась объяснить, да я не поняла. Но и эта чудо как хороша!

Я уже еле поспевала за стремительнодвигающейся Верой, пытаясь на ходу объяснить, что не любительница я всяких

натюрмортов и вазочек с цветочками. А вот жанровые картины мне вообще-то нравятся, я могу их долго разглядывать, пытаюсь определить характеры людей, на них изображенных. Может быть, это от моей профессии... Но разные цветочки – на них художникам, по-моему, не стоит тратить ни времени, ни труда...

Тут Вера остановилась и торжественно ткнула пальцем:
– Смотри!

Я посмотрела. И... почувствовала слабый, но отчетливый запах нарциссов. Знаете, самые простые, желтенькие. Без всяких там белых середочек или красных каемочек, обыкновенные бледно-желтые хрупкие цветочки, которые в сезон идут у старушек дешевле семечек. Нарциссы стояли в простом граненом стакане на широком пыльном подоконнике и уже немного поникли, вода стала мутной. Было темновато, потому что плотная штора наполовину задернута, но ясно, что там, за окном, всюю сияет весеннее солнце.

– Воду надо сменить, – машинально сказала я. – И пыль с подоконника вытереть.

– А?! Что я говорила! – торжествовала Вера.

– Это Алина рисовала? – спросила я почти с суеверным страхом. – Ты что, хочешь мне сказать, что нормальный, живой человек может такое изобразить?

– Насчет ее нормальности можно поспорить, но то, что Алинка живой человек, это точно. Сама видела, как она ликер «Амаретто» пила и яблочком заедала. – Вера засмеялась.

Она была по-настоящему довольна тем, что сумела мне представить это чудо. На нее картина Алины тоже подействовала умиротворяюще. Подруга моя даже помолодела около этих нарциссов, исчезла куда-то женщина-вамп, опытная тигрица, а осталась Верочка Ширяева, юная, задорная. Тоже, конечно, стервочка, но всего лишь начинающая. Вот вам и благотворное влияние искусства.

– Да-а. Слушай, Верка, а можно, я буду гордиться тем, что я ее современница с сегодняшнего дня? Боюсь, что через сто лет это уже не доставит мне такого удовольствия.

– Простите, вам действительно нравится? – прозвучал за моей спиной хрустальный голосок.

Я обернулась. Ни тени кокетства, фиалковые глаза смотрят на меня напряженно, почти со страхом, тонкие пальцы нервно теребят ремешок сумочки.

– Ну, знаете, Алина! Я, конечно, не специалист в области искусства, но если вы не видите, что эта картина, – я все же проглотила слово «гениальна», – совершенно удивительна и уникальна, то вы понимаете в живописи еще меньше меня!

Господи, она расцвела так, будто я только что вручила ей Нобелевскую премию! Робко тронула меня за плечо и предложила:

– Если вам интересно, приезжайте ко мне в мастерскую, посмотрите. Правда, у меня только цветы. Но сначала позвоните, чтобы я вас встретила. Я ведь могу куда-нибудь выйти. Хотя обычно я весь день провожу в студии, – почти угова-

ривала она.

– А меня ты уже не зовешь? – спросила Вера.

– Ну что ты говоришь! Ты же знаешь, я тебе всегда рада! – Алина повернулась ко мне и пояснила: – Вы знаете, Верочка, как никто, тонко чувствует. Показывать ей свои работы – одно удовольствие.

От неожиданности я хмыкнула нечто неопределенное. Тонкость чувств и Ширяева... Вера ехидно улыбнулась:

– Вот так-то, Танечка! Сходишь на выставку и узнаешь столько нового и интересного! О, атас, девочки! Акт второй, картина третья, занавес поднимается: те же и Людмила. – Вера напряглась, беззаботная девчонка вместе с тонко чувствующей эстеткой исчезли, рядом со мной снова стояла тигрица.

Я взглянула в ту же сторону и в буквальном смысле слова остолбенела. Я человек с чрезвычайно здоровой психикой, и у меня никогда раньше не было ни галлюцинаций, ни миражей. И вот здесь, в тихом оазисе искусства, без всяких на то веских причин у меня, кажется, произошел сдвиг по фазе... В другом конце зала Игорь Маслов, еще более встрепанный, чем полчаса назад, выразительным шепотом ругался с моей Веркой!

Я опасливо покосилась вбок: Вера стояла рядом. Две Верки Ширяевы одновременно – это было многовато. Надо лечиться.

Говорят, что профессия накладывает отпечаток на харак-

тер человека. Это совершенно справедливо. В этот трудный для моей психики момент мне, видите ли, захотелось узнать, какая из них фантом, а какая настоящая. Такой вот проявился профессиональный интерес. Я еще раз посмотрела на ту Верку, потом на эту. Оказывается, галлюцинация очень интересное явление: та Верка была злая, и глаза ее метали молнии. Это было видно даже на таком расстоянии. А эта, что стояла возле меня, наоборот, ехидно улыбалась... Уж не знаю, как я буду объяснять это врачу. Он ведь все равно не поверит.

Костюмчик на моей Вере канареечного цвета. Удлиненный жакет и мини-юбка. А та Вера, что сейчас стояла рядом с Игорем, была в брючном костюме цвета мокрого песка... И вроде бы немного постарше.

Врач, кажется, откладывается – я обрадовалась и с облегчением вздохнула. Их все-таки было две! Я вполне могу и дальше заниматься своей любимой профессией. Да, их было две! Хотя, похоже, одевались они обе в одном и том же бутике. И оплачивали свои наряды из одного и того же кошелька. Когда я пришла в себя, разница между женщинами стала более заметной, но все равно, не зная я, что Вера единственная дочь у своих родителей, ни секунды бы не сомневалась, что это ее сестра-близнец. Этот Игорь, наверное, мазохист какой-то. Сколько раз я видела, что у мужика вторая жена похожа на первую, но чтобы жена с любовницей выглядели как родные сестры!

Характером эта Людмила тоже недалеко от Веры ушла. Мы стояли слишком далеко, и слов не было слышно, но выражение лиц было поистине достойно кисти живописца. Игорь по-прежнему воинственно топорщил бороденку и шипел на свою супругу, а она явно грозила ему всеми карами – небесными и земными. Трудно было понять, кто из них берет верх. Но мне показалось, что победителем в этом поединке все же вышла Людмила: в финале мизансцены она угрожающе потрясла пальцем перед носом мужа и, развернувшись, вышла из зала.

– Вы меня еще не знаете, но вы меня узнаете! Вы знали меня с хорошей стороны, а теперь узнаете с плохой стороны! – весело пропела Вера.

– Слушай, Вера, ты уверена, что надо было ее так доставать? – голос Алины звучал жалобно. – Она же теперь Игорю дышать не даст, со света сживет.

– Все нормально. – Ничто не могло испортить Верке удовольствия. – Он привычный, и жить будет, и дышать. Тем более у него есть к кому пойти поплакаться.

– Не люблю я скандалов, – виновато вздохнула Алина.

– Да ты у нас вообще душа-человек! – объявила Вера. – Танька, ты знаешь, почему она со своим талантом прозябает в неизвестности? Потому что сама она свои картины ни продать, ни выставить не умеет, а доверить кому-нибудь боится.

– Вера, перестань, – перебила ее погрузневшая сразу художница, – ты же знаешь, я на эту тему не разговариваю.

Лучше я пойду Петечку поищу, куда он там пропал?

Алина попрощалась и скользнула в толпу, незаметно собравшуюся в зале. Мы проводили ее взглядом, потом я вопросительно посмотрела на Веру.

– Да я сама подробностей толком не знаю, – Вера пожала плечами. – Но она действительно жутко стеснительная, и такое простое дело, как отнести пару картин в салон на выставку-продажу, для нее... ну я не знаю, что-то вроде полета в космос. А два года назад одна сердобольная подруга решила ей помочь в этом деле. Она взяла картины и отнесла на продажу. Цветочки, естественно, ушли в тот же день, подруга получила деньги и поделила их, по своему разумению, очень даже честно, половину Алинке – за работу, половину себе – за хлопоты. Такая вот история.

– Молодец подруга! – не сдержалась я. – Честная девочка, могла ведь и девяносто процентов забрать.

– А она не хуже придумала. Она эти картины под своим именем сдала.

– Ничего себе!

– Вот-вот. Алиночке нашей это тоже показалось немного странным. Так что подругу эту она отлучила от студии и больше с ней не общается. Но разговоры на эту тему поддерживать отказывается. А картины по-прежнему стоят у нее в мастерской, и видят их только единицы, которым Алина еще доверяет.

– Да-а... – Рассказ Веры произвел на меня впечатление. –

Это же надо, быть гениальной художницей и при этом в житейских делах такой...

— Кошелкой, — услужливо подсказала Вера. — Радость моя, а ты никогда не слыхала, что гениальность всегда однобока. Все мозги у нее на рисовалку пошли, а на нормальную жизнь ничего не осталось. Нам с тобой крупно повезло хоть в том, что мы не гении и можем жить по-человечески. Ладно, мы все-таки на выставку пришли. На людей уже посмотрели, давай, что ли, на скульптуры тоже посмотрим?

Через два дня мое настроение не только не улучшилось, оно упало ниже нулевой отметки. И что самое неприятное, винить мне, кроме себя самой, было некого. Я сидела в кресле, разглядывая свой сотовый телефон и пытаюсь понять, замолчал он навеки или есть надежда его реанимировать. Но моих познаний в электронике было явно недостаточно для этого. То есть, что произошло, я понимала. Вследствие не предусмотренной конструкцией механического воздействия трубка телефона треснула, и он перестал выполнять свои функции переговорного устройства.

Грубо говоря, сегодня утром я села на свой мобильник и сломала его. Когда я была еще маленькой, мама мне очень часто говорила: «Всегда убирай вещи на место!» Когда я выросла, она продолжала говорить мне то же самое и с тем же успехом. Так что я вчера вечером бросила свой сотовый в кресло и забыла. А сегодня, после завтрака, решила выпить

кофейку, приятно расслабившись в кресле, да со свежей газетой... Сами по себе ощущения человека, который садится на трубку сотового, довольно далеки от приятных, но когда при этом раздается подозрительный треск и выясняется, что ты осталась без мобильного средства связи!..

Телефон у меня дома, конечно, есть, хороший, с автоответчиком, с определителем номера. Но я же по роду своей деятельности дома не сижу! Мобильник для меня не роскошь, это средство производства!

Без всякой надежды я потрясла его, потыкала кнопочки, подергала антенну. Глухо. Главное, не так было бы обидно, если бы мой верный телефон пострадал от бандитской пули, от каких-нибудь вражьих происков. Но вот так глупо, пошло и вульгарно сесть на него! Даже никому не пожалуешься — засмеют.

Теперь надо решить: попробовать починить или сразу выбросить и купить новый? Выбрасывать жалко, привыкла я уже к нему. Только вот где их чинят? Что-то я не слышала нигде о мастерских по ремонту сотовых телефонов. Очевидно, все равно придется ехать в магазин. А там, разумеется, выяснится, что самым разумным вариантом является покупка нового, суперсовременной конструкции мобильника. И продается он сегодня со скидкой. И только сегодня, по случаю дня рождения любимой собаки хозяина фирмы, к нему прилагается что-то совершенно бесплатно...

Вот бы сейчас раздался звонок в дверь и пришел бы те-

лефонный мастер! Мечтать никто не запретит. Он бы взял в руки мой несчастный раздавленный мобильничек, укоризненно покачал бы головой, а потом сделал бы что-нибудь такое своими волшебными руками, и все сразу само собой исправилось бы!

В дверь позвонили. Но вряд ли это был телефонный мастер. Резкий, требовательный звонок мне не понравился. Люди, разбирающиеся в сотовых телефонах, так не звонят. И я пошла в коридор, не сомневаясь, что, кто бы там ни стоял за дверью, он пришел не для того, чтобы решать мои проблемы, скорее это мне сейчас придется взвалить на себя тяжкий груз чужих проблем.

Когда мы с Верой после выставки распрощались, то обе были искренне уверены, что следующая наша встреча произойдет еще лет через пять и так же случайно. Поэтому, открыв дверь и увидев ее напряженное лицо, я довольно глупо ляпнула:

– Ты чего?

– Чего-чего, – пробурчала Вера, проходя мимо меня в комнату. – Клиента тебе привела.

Тут я сообразила, что следом за ней протискивается тот самый Игорь Маслов с выставки. Самое странное, что он именно протискивался, хотя в моей довольно просторной прихожей места было достаточно даже для его крупной фигуры. Он, очевидно, и был клиентом.

– Прошу садиться, – официальным тоном сказала я. Раз

пришел клиент, то и отношения с ним должны быть рабочими. – Чем могу быть полезна?

Вера зыркнула глазами по сторонам, уверенно направилась к самому удобному в моем доме креслу и опустилась в него, артистично демонстрируя ножки. Напрасно демонстрировала, оценить ее ножки было некому – меня ее внешние достоинства не интересовали, к тому же мои ножки ничуть не хуже, а Игорь, оставшийся стоять посреди комнаты, явно находился в состоянии тихой истерики и вообще слабо реагировал на окружающее. Я внимательно посмотрела на своего предполагаемого клиента. Собственно, он и на выставке не показался мне мужчиной моей мечты, но сегодня выглядел просто скверно. Бороденка, и так не отличавшаяся ухоженностью, торчала во все стороны, как старая дворницкая метла, пухлое лицо покрыли неровные красные пятна, волосы выглядели так, будто у него вырвали клочок-другой. Он и на бегемота-то не был сейчас похож: только что-то большое, рыхлое и совершенно бесформенное. Внезапно он поднял руки, по-бабьи схватил себя за щеки и закачался, жалобно подвывая. Я вопросительно посмотрела на Веру.

– Игоря ограбили, – сварливо сказала она. – С выставки украли гвоздь программы. Ну, помнишь, я тебе говорила, самую ценную статуэтку, из частной коллекции.

– «Талию»! – ахнула я.

Игорь встрепенулся и, молитвенно сложив ладони перед грудью, обратился ко мне с маловразумительным лепетом, в

котором я разобрала только «честным словом клялся» и «на коленях ползал». На этих словах его, видимо, заклинило, и он рухнул на колени передо мной. Я, правда, не поняла, это он хотел продемонстрировать наглядно, как он вымаливал «Талию», или решил, что в этой позиции ему будет легче договориться со мной. Пришлось рявкнуть на него и пригрозить выгнать, если он не сядет на стул и внятно не ответит на мои вопросы.

Неуверенно поглядев на Веру, которая поддержала меня, добавив пару довольно злобных замечаний, Игорь резво вскочил с пола и послушно устроился на стуле, аккуратно сложив руки на коленях. Ну просто зайчик!

– Итак, – я старалась говорить четко и без эмоций, как учитель, объясняющий условие задачи. – Из вашей галереи с выставки похищена довольно ценная статуэтка работы Осипова, изображающая одну из муз, а конкретно Талию.

Игорь горестно закатил глаза и кивнул. Вера молча достала сигарету и щелкнула зажигалкой.

– «Талию» на время выставки вам предоставили из частной коллекции...

– У меня все бумаги оформлены. – Игорь аж подпрыгивал от усердия, но встать со стула не решился. – В нашем деле все должно быть аккуратно до мелочей... Страховка оплачена, все квитанции я сохранил... Кому она нужна, эта страховка! Я же клялся, честное слово давал – две недели, и я возвращаю «Талию» хозяину, – он схватился руками за во-

лосы, но выдергивать их пока не стал. – Мне же дальше с людьми работать, кто же мне что даст, если у меня экспонаты пропадают!

– А я тебе говорю, что это твоя Людмила постаралась. – Жесткий тон Веры совершенно не вязался с ее расслабленным видом. Дамочка полулежала в кресле, в руке сигарета, глаза полужакрыты. – Она на это вполне способна.

– Но, Верочка, это совершенно, абсолютно невозможно! Она ни вчера, ни сегодня даже не заходила в галерею! И потом, сама подумай, зачем ей это нужно?

– А кто тебе угрожал, что устроит такую гадость, которую ты на всю жизнь запомнишь? Кто говорил, что ты еще слезами умоешься, не она, что ли! – огрызнулась Вера. – У нее хватит ума всю выставку утащить.

– Но ее же не было! – плачущим голосом завопил Игорь. – Она не приходила в галерею и не могла взять «Талию».

– Можно подумать...

– А ну кончайте галдеть! – Мне тоже пришлось несколько повысить голос, иначе эта парочка меня бы просто не услышала. – Значит, вы хотите нанять меня, чтобы я до закрытия выставки нашла украденную статуэтку...

Поскольку я не сводила глаз с Игоря, он молча закивал, преданно глядя мне в глаза. Интересно, насколько он платежеспособен. Несмотря на Веркину протекцию, бесплатно работать я не стану.

– Мой тариф двести долларов в день.

– Ого! – В голосе Веры отчетливо прозвучало уважение.

– Если вы согласны... – снова обратилась я к Игорю и остолбенела. Он вскочил и торопливо вытряхивал на стол содержимое бумажника. Стодолларовые и пятисотрублевые банкноты уже образовали в центре стола впечатляющую кучку. Беззвучно шевеля губами, он стал выворачивать карманы. Вместе с каким-то бумажным мусором, скрепками и напечатанным пакетиком жвачки на стол полетели купюры помельче. Наконец Игорь выгреб горсть мелочи, с недоумением на нее посмотрел и торопливо высыпал в общую кучу. Все это он стал тщательно сгребать в мою сторону с уверениями, что «на все согласен»!

– Все, что есть, – бормотал он. – Отдам все, что есть, только найдите «Талию».

Я примерно оценила стоимость этой кучи и покачала головой. Да, не слабо живут владельцы выставочных галерей, если, выходя поутру из дома, кидают в карман пару штук баксов на мелкие расходы! Могла бы и увеличить гонорар, вполне выдержал бы. Ладно, пусть пока будет так, посмотрим, как дело пойдет. Набрала из кучи десять тысяч пятисотрублевками.

– Это мой аванс. Если мне потребуются еще деньги, я вам сообщу.

– Я понимаю, я понимаю, – торопливо соглашался Игорь.

– По окончании работы я выпишу счет, с учетом всех расходов, и вы расплатитесь. А теперь убирайте свои сокрови-

ща с моего стола. Раз я берусь за дело, то прежде всего мне нужна от вас точная и полная информация. Рассказывайте всю правду, ничего не утаивая...

Надо отдать ему должное, несмотря на свой нелепый внешний вид, соображал Игорь хорошо и собираться умел моментально. Как только он уяснил, что время заламывания рук и закатывания глаз кончилось, он снова превратился в энергичного бегемота и стал очень толково излагать подробности.

– Вчера все было как обычно, ничего особенного... Выставку мы закрываем в шесть, уборщица прошлась шваброй, там было в общем чисто, у нас не особенно много народу бывает... Ну, мы с Петечкой еще посидели некоторое время в кабинете, поговорили о делах. Потом позвонила Люда, моя жена. – Он бросил взгляд в сторону Веры. Она сосредоточенно наблюдала за дымком от своей сигареты. Я подаю ей пепельницу. Игорь прокашлялся и продолжил: – Так вот, Люда была недовольна, потому что к нам должны были прийти гости и я обещал вернуться пораньше. Я быстренько собрался и убежал, а Петечка остался, чтобы все закрыть.

– Кстати, Игорь, – перебила я его, – а почему он Петечка? Вроде уже давно не мальчик? Неужели он хотя бы до Пети не дорос? Я уж не говорю про Петра.

– Почему? – Игорь с недоумением посмотрел на меня и пожал плечами. – Бог его знает. Как-то так повелось: Петечка да Петечка. Не знаю, я как-то не задумывался.

– Ладно, это я так спросила, из любопытства. Значит, Петечка остался закрывать.

– Совершенно верно. Он прошелся по залам, проверил, все ли нормально, запер двери и включил сигнализацию. Потом отметил у охраны, сдал ключи. Мы ведь занимаем не все здание, на втором этаже еще конторы есть, так что охранник у нас общий, сидит у входной двери. Значит, Петечка расписался и спокойно ушел домой. А сегодня утром Елена Александровна...

– Извините, Елена Александровна – это кто?

– Наша служащая. Собственно, она у нас и кассир, и смотритель зала, и секретарь, и экскурсовод – по необходимости. Прекрасная женщина и очень добросовестная. – Тут он почему-то снова посмотрел на Веру. Вера с безучастным лицом разглядывала свои маникюренные ногти. – Так вот, утром Елена Александровна сама открывает зал и, если есть посетители, занимается ими. Сегодня, как всегда, она отключила сигнализацию, открыла дверь и вошла в зал, чтобы форточки открыть, проветрить, цветочки полить... Она, конечно, сразу увидела, что «Талии» нет...

Игорь вздохнул, вытащил из кармана носовой платок и стал вытирать лоб. Я молча ждала продолжения.

– Она сначала растерялась, а потом позвонила мне и Петечке. Петечка раньше прибежал – он совсем рядом живет. И вот мы все собрались, стоим, а ее... нет. Исчезла неведомым образом. Тут я про вас вспомнил, я имею в виду вашу

работу, ваш большой опыт, ваши успехи в этом деле и понял, что если кто-то сумеет сделать чудо, то только вы, Татьяна. Вы понимаете? Заехал к Вере, и вот мы вместе – к вам.

Маслов явно и откровенно льстил. Ничего он не знал ни о моей работе, ни о моем опыте, ни о моих успехах. И Вера ему ничего толкового сказать не могла. Она и сама ничего не знала. Видно, надеялся лестью подхлестнуть мое самолюбие. И напрасно. На недостаток самолюбия я не жалеюсь, самолюбия у меня и так вполне достаточно.

– В милицию сообщили?

– Что вы! – Игорь замахал на меня платком, который продолжал держать в руке. – Я, конечно, целиком и полностью доверяю нашей родной милиции, но сроки и огласка – вот что меня волнует! Мне нужно вернуть «Талию» до закрытия выставки, и, самое главное, чтобы никто об этой пропаже не узнал. Вы представляете, что будет с моей репутацией, если поползут слухи, что с моих выставок экспонаты воруют! Между прочим, сейчас я числюсь очень надежным партнером, с которым можно иметь дело. На взаимовыгодных условиях, – гордо подчеркнул он и тут же скис. – А теперь... меня занесут в черный список. И все – репутация, карьера, все будет кончено!

Он снова пустил в дело платок, потом поднял на меня умоляющие глаза.

– Таня, вы понимаете, что на вас вся надежда? На вас, и только на вас. Мое будущее сейчас в ваших руках!

Черт знает почему, но мне нравился этот человек. Было в нем какое-то трогательное обаяние, так что я сказала ему очень мягко:

– Я постараюсь, Игорь. Очень постараюсь. Сами понимаете, обещать можно все, но не все можно выполнить... Я сделаю все возможное. И думаю, что кое-какие шансы у нас есть. А теперь скажите, подозреваете вы кого-нибудь?

– Да кого же? – горестно всплеснул руками Игорь. – Все же свои, все вокруг галереи кормимся.

– Дома, под кроватью посмотри, – буркнула Вера.

Игорь вскочил со стула и шагнул к ней.

– Я прошу тебя, Вера! – крикнул он неожиданно тонким голосом. – Я прошу тебя, перестань обвинять Людмилу черт знает в чем! В конце концов, я прожил с этой женщиной четырнадцать лет и знаю ее лучше, чем ты. – Игорь обернулся ко мне и горячо продолжил: – Мало ли что она там угрожала... Да, она женщина горячая и энергичная. Когда она сердится, то наговорить может всякого! Но украсть, да еще так, нет, Люда не способна на такое. Она кристально честный человек..

Вера из своего кресла фыркнула. Я поторопилась прекратить разгорающуюся ссору.

– Понятно, – громко сказала я нарочито спокойным голосом. – О Людмиле мы поговорили. Вера, я приняла к сведению и твое мнение, теперь надо обсудить остальных. Елена Александровна?

Способность Игоря моментально концентрироваться начала меня восхищать. Он уже взял себя в руки и не задумываясь отрицательно покачал головой.

– Невозможно. Она уходит ровно в шесть, а в это время «Талия» была еще на месте. Я сам видел ее в полседьмого, перед уходом. А снова Елена Александровна пришла в галерею только утром. «Талии» к этому времени уже не было.

– С ее слов, – уточнила я.

– Как же я могу ей не верить! Так ведь... э-э-э... так ведь кого угодно можно заподозрить, – растерялся Игорь. – Петечка у нас оставался последним. Значит, он мог взять «Талию», когда закрывал...

– Совершенно верно, мог взять, – согласилась я. – И как вы думаете, взял он ее?

– Ерунда какая-то, чепуха и глупость! Не мог Петечка взять «Талию». Понимаете, он работник нашей галереи. Он ее любит, он ее бережет. И, вообще, зачем ему «Талия»? Куда он ее денет? Это ведь известная скульптура. Она в каталогах есть.

– Но, судя по всему, «Талию» вполне мог украсть кто-то из людей, имеющих постоянный доступ в галерею. Как вы думаете, почему не сработала сигнализация?

– Не знаю, – Игорь растерянно развел руками. – Нам давали гарантию, что если кто-то откроет дверь или окно, то сигнализация непременно сработает.

– А ведь не сработала.

– Не сработала... Может быть, в ней что-то сломалось. Знаете ли, когда дают гарантию, это еще не значит, что ничего не сломается. У нас гарантия обеспечивает только бесплатный ремонт, да и то не всегда.

– Согласна. Сигнализацию мы проверим. Ночью кто-нибудь в галерею приходил? Из своих или чужой?

– Охранник говорит, что никого не было.

– И это проверим. Какие-нибудь следы взлома?

– Откровенно говоря, я особенно не смотрел, не до этого было.

– Понятно, – значит, первым делом проверю окна и двери. – Еще что-нибудь пропало из галереи?

– Э-э... Кажется, нет. Честно говоря, когда я понял, что исчезла «Талия», то об остальных экспонатах как-то даже не подумал... Понимаете, «Талия» все-таки самое ценное. Но вроде все остальные работы были на своих местах.

– Что же, пока ясно только то, что ничего не ясно. – Я встала. – Значит, у нас в запасе неделя?

– Неделя. – Игорь опять жалобно посмотрел на меня. – Но хотелось бы получить «Талию» раньше. Понимаете, Татьяна, пойдут слухи... огласка... все это для меня равносильно катастрофе.

– Понятно. Начинаем работу. Поехали.

– Куда? – Очевидно, Игорь считал, что я его статуэтку буду искать у себя в комнате.

– На место преступления, куда же еще. Кстати, Игорь, не

переживайте так по поводу моих вопросов о Пете и Елене Александровне. Моя работа – отыскать вора и статуэтку. По элементарным правилам сыска и всем существующим инструкциям я должна подозревать абсолютно всех, от кошки, которую прикармливает уборщица, до вас и вашей дорогой супруги включительно.

– И меня? Но как же... – Игорь так растерялся, что даже не стал обижаться. Вера наблюдала за ним с мрачным удовлетворением.

– Я тоже под подозрением, – усмехнулась она, – так что ты в большой и хорошей компании.

– Поехали, поехали, – поторопила я их. – Подозревать можно всех, но для доказательства вины нужны улики. Желательно застать преступника с украденной статуэткой в руках и собственноручно написанным признанием в содеянном, заверенным двумя свидетелями. Жаль только, что шансов на это маловато.

Игорь с Верой переглянулись и поспешили за мной.

...Аккуратная пластиковая табличка на дверях скромно, но с чувством собственного достоинства информировала: «Извините, галерея закрыта по техническим причинам». Нас это, разумеется, не остановило. Нам нужна была именно закрытая галерея.

– Я велел никого не пускать, – Игорь посмотрел в сторону выставочных залов и повернул налево. – А Елена Алексан-

дровна с Петечкой и ночной охранник должны ждать нас в кабинете. – Он слабо улыбнулся мне. – Я же понимаю, что вы захотите со всеми поговорить. Вот я их и предупредил.

Троица в кабинете, сидя на длинном малиновом диване, безрадостно пила чай. Уже знакомый мне Петечка, в знакомом сером джемпере, увидев нас в дверях, резко вскочил, чуть не опрокинув на себя чашку, кинулся было к Игорю, всплеснул руками, отшатнулся от него и, наконец, застыл у окна в нелепой позе. Всю эту пантомиму он сопровождал невнятным кудахтаньем. Правда, кроме меня, никто на него особого внимания не обратил. Разве что охранник. Это был немолодой, уверенный в себе мужчина, камуфляжная форма придавала ему весьма мужественный вид. Наверно, он был полковником в отставке. Сейчас в охране, кажется, ниже майора не работают. Вот этот самый полковник наградил вскочившего Петечку очень неодобрительным взглядом. На наше же появление он отреагировал весьма спокойно: поздоровался и продолжал пить чай. А вот Елена Александровна, милая женщина, похоже, прикладываящая массу усилий, чтобы не выглядеть моложе своих пятидесяти лет, – густые, с заметной сединой волосы гладко зачесаны назад и собраны в аккуратный пучочек, на лице ни следа косметики, только губы чуть тронуты бледной помадой, классического покроя серый костюм с белой простой блузочкой, – она нервничала.

Когда Игорь представил меня, щеки у нее вспыхнули, потом кровь так же быстро отлила от ее лица. Елена Алек-

сандровна встала и, не спрашивая, достала из небольшого шкафчика еще три чашки и банку растворимого кофе.

– Вы чай будете или кофе? А то мы тут все больше чай пьем, а Игорь Николаевич с Верой Петровной предпочитают кофе... – Она робко улыбнулась. Голос у нее тоже был очень приятный. Я вздохнула: по законам жанра самые приятные люди в конечном итоге оказываются самыми подозрительными.

Я взглянула на банку и решила, что от того, что здесь называют «кофе», я лучше воздержусь.

– Спасибо, мне ничего не нужно.

– Таня, вам как удобнее, поговорить со всеми сразу или лучше по одному? – спросил Игорь. – Если надо, мы можем выйти. Вообще-то, у нас есть еще две технические комнаты, но это что-то вроде кладовок, там неудобно...

– Наверное, поговорим сначала все вместе. Потом я осмотрю зал. Затем еще раз поговорим, возможно, и по одному.

Охранник доброжелательно улыбнулся мне и неожиданно подмигнул. Странно, обычно люди его возраста и профессии испытывают ко мне как минимум легкую неприязнь, а как максимум – сильное отвращение. Может, ему есть что мне рассказать, вот он и доволен?

– Начнем со вчерашнего вечера. Покажите пример, Игорь.

Игорь согласился показать пример и добросовестно повторил описание своих вчерашних действий. Единственным

отличием от услышанного у меня дома было то, что ему не пришлось отвлекаться на ехидные реплики Веры. Она вообще не произнесла ни слова с тех пор, как мы зашли в кабинет, только обменивалась время от времени загадочными взглядами с Еленой Александровной.

– А сегодня утром мне позвонили, и я узнал ужасную новость... – Игорь развел руками и замолчал.

– Это я звонила, – нервно дернулась Елена Александровна.

– Ясно. Теперь вы, Пе...тя, – что хотите со мной делайте, но не могу я взрослого малознакомого мужика Петечкой называть!

– А я не понимаю, что я могу вам рассказать! – взвился Петечка. Все уставились на него, и это только подлило масла в огонь. – Я считаю это оскорбительным для себя и для всех остальных сотрудников галереи! В чем нас подозревают? В чем нас обвиняют, я не понимаю? Да, я закрывал вчера галерею и утверждаю, что все экспонаты были на месте! Вы слышите, все было нормально! А потом я ушел домой. А утром мне позвонила Елена Александровна. И вы не имеете никакого права...

– Петечка, – шепотом пыталась урезонить его Елена Александровна, – не нервничайте. Не надо.

Игорь действовал более жестко. Он подошел к Петечке, положил ладони ему на плечи и заставил сесть. Беспомощно дергающийся под его руками сотрудник выглядел жалко ря-

дом с внушительной фигурой Игоря.

– Сядь и не пыли, надо искать «Талию». – Игорь был недоволен, но голос его оставался спокойным. Этот бегемот нравился мне все больше! – Тебе велели вспомнить все, что вчера делал, вот и вспоминай. И расскажи все подробно!

Петечка, трагически вскидывая брови, рассказал, как обошел вечером зал, ничего подозрительного не заметил, запер двери, сдал ключи охраннику... Тут он возмущенно ткнул пальцем в полковника, сидевшего с видом до того довольным, что на ум невольно приходил кот, прижавший лапой неосторожную канарейку. Что это он такой довольный? Статуэтку ведь украли в его дежурство, мог бы и понервничать...

– А утром мне позвонила Елена Александровна! – теперь его палец указывал на эту милую женщину.

Елена Александровна согласно кивнула:

– Разумеется, я посчитала необходимым немедленно поставить в известность весь руководящий состав.

Она произнесла эту жуткую фразу так естественно, что я восхитилась. Что значит человек старой школы, я бы вот так не смогла!

– И нечего на меня так смотреть! – взвизгнул Петечка. А на него никто и не смотрел. Чего он так дергается, боится, что ли? Вообще, из причастных к этому делу лиц он нравится мне меньше всех. Вот только... не нравится или вызывает подозрения? Пока, пожалуй, первое, но уж очень он ведет се-

бя, как ни крути, подозрительно! Ладно, разберемся, все еще впереди... Разберемся мы с этим нервным Петенькой, дайте только срок. Я вздохнула, пожала плечами и повернулась к охраннику. Он по-прежнему, единственный в этой компании, представлял собой солидность и уверенность. Что ж, посмотрим, чем он дышит:

– Я понимаю, что вы сидели у входной двери, но тем не менее...

– У меня есть для вас конфиденциальная информация, – прогудел он хорошим баском.

Надо сказать, впечатление его слова произвели. Елена Александровна ахнула. Игорь снова молитвенно сложил ладони перед грудью, Вера вцепилась ему в плечо. А Петечка снова вскочил с дивана и громко всхлипнул.

– Моя фамилия Симонов, Симонов Сергей Васильевич. – Полковник пожал плечами, что явно относилось к новым временам, заставившим его отказаться от звания. – Я штатный сотрудник охранный агентства «Голиаф». Наше агентство заключило договор охраны на все здание, то есть мы установили сигнализацию на всех отдельных объектах внутри здания и обеспечиваем круглосуточную охрану у входных дверей. Вчера, в девятнадцать ноль пять, сотрудник галереи Леонтьев, – Сергей Васильевич небрежно кивнул в сторону Петечки, – сдал мне ключи, что зафиксировано в журнале дежурств, – теперь он кивнул в сторону огромного грессбуха, лежащего на столе. – То, что двери заперты и сигнализа-

ция включена, я проконтролировал лично.

– Но вчера сигнализация не сработала.

– Не сработала. – Казалось, его очень радовал этот факт. –
Прошу прощения, но дальше я хотел бы разговаривать с вами наедине.

Сотрудников галереи это его желание несколько шокировало. Я невольно фыркнула, ну как же, так мило сидели, почти по-семейному, и вдруг такой пассаж... Но все приняли этот удар довольно мужественно, кроме Петечки, разумеется. Он снова что-то залопотал, замахал руками, задержался. Не обращая на него никакого внимания, Симонов встал, осторожно обошел хрупкий стол.

– Давайте пройдем в зал, – предложил он.

Мы поднялись и направились к выходу из комнаты. За нашими спинами поднялся шум. Петечка что-то кричал, остальные, похоже, его успокаивали. Я не стала оборачиваться и оглянулась, уже зайдя в зал, и то потому, что услышала топот ног в коридоре. Как раз в этот момент мимо распахнутых дверей, словно заяц, промчался Петечка. Я пожала плечами и посмотрела на Симонова. Он махнул рукой, словно говоря: «Что с него взять!» – и подвел меня к стене, на которой висела большая искусственная лиана.

– Прежде всего я хочу сказать, Татьяна Александровна, что наша фирма довольно давно имеет дело с подобными небольшими организациями. И у нас накопился некоторый опыт работы с ними. Дело в том, что рано или поздно, если

есть что стянуть, сотрудники начинают воровать. – Он развел руками, сожалея о порочности человеческой натуры. – Время от времени у нас из-за этого возникали сложности и различные конфликты. В конечном итоге мы, чтобы облегчить жизнь себе и тем, кто разбирается потом в этих кражах, милиции или вашему брату, частному сыщику, – он снова дружески мне улыбнулся, – стали применять небольшую хитрость. Вот эта штука начинает работать сразу, как только включают сигнализацию.

Симонов встал на цыпочки, поднял руку и отодвинул лиану в сторону. На меня уставился миниатюрный глазок видеокамеры.

– Вот это да! – ахнула я. – А Маслов не знает?

– Видите ли, – он пожал плечами, – были прецеденты, когда руководитель тоже злоупотреблял положением... Так что эта часть нашей работы не афишируется. Невидимый фронт...

– Вы хотите сказать, что мы просто-напросто просмотрим пленку и увидим преступника, который ворует «Талию»!.. – До чего же техника дошла, ну, Танька, если и дальше так пойдет, то через год-другой без работы останешься, это точно. – А с этого места хорошо будет видно? – на всякий случай уточнила я.

– Так здесь ведь несколько камер, – сказал Симонов, не уточняя, правда, сколько и где они спрятаны. По крайней мере лиан на стенах больше не было. – Ведется перекрестная

съёмка. Так что, я думаю, все будет видно хорошо.

Он с легкой усмешкой наблюдал за тем, как я верчу головой, пытаюсь отыскать остальные камеры. Потом осторожно тронул меня за плечо.

– Пленки сейчас у нас, в лаборатории. Я позвонил туда, попросил, чтобы сделали фотографии: первые в момент включения камер, остальные с шагом в один час. И последний снимок, когда Елена Александровна выключила сигнализацию. После этого камеры отключились. Посмотрите фотографии, и все станет ясно.

– А если кража произошла в промежутке между этими часами?..

– Никаких проблем, Татьяна Александровна, – успокоил он меня. – Если возникнут какие-нибудь неясности, посмотрим пленки. У нас все на уровне... А сейчас, извините, мне надо идти. Через пятнадцать минут в агентстве совещание. Опаздывать не могу.

– Дисциплина у вас, – с уважением отметила я.

– Обязательно, – подтвердил полковник. – Если дисциплины нет, люди расслабляются, а в нашем деле этого допускать никак нельзя, сами понимаете, одно дело делаем, – это он признал во мне своего человека, потому и вел себя так располагающе. – Если ко мне вопросов нет, то я пойду. Через двадцать минут у вас здесь будет курьер. Примете пакет с фотографиями и распишетесь.

Вопрос-то у меня как раз был. Широко рекламируемое

чудо техники – сигнализация – почему-то не сработала. Тому, на мой взгляд, могли быть две причины: или она испортилась, или ее отключили. А может быть, она сработала, а мой бдительный и дисциплинированный полковник не услышал. Отлучился в это время куда-нибудь по своим личным делам? Такой вот интересный у меня был вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.